

УДК 903.023+903.08

С.В. Шарапова

*Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: Svetlanasharapova@rambler.ru*

ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ И ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ СТИЛИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ*

Введение

Процесс исследования зауральских древностей в целом вписывается в общую тенденцию развития археологического знания, прошедшего на этом пути спекулятивно-гипотетическую и культурно-историческую стадии, а в настоящий момент находящегося на ступени научно-теоретического поиска, который характеризуется разнообразием методологических подходов [Trigger, 1989; Renfrew, Bahn, 1997]. Многие из них стали развиваться именно тогда, когда результаты интуитивного анализа не привели к решению поставленных задач, особенно на содержательном уровне [Корякова, 1988; Gibson, Woods, 1997], а обозначенные ранее вопросы потребовали привлечения нового аналитического аппарата [Шарапова, 2000].

Когнитивный подход к анализу материальной культуры разрабатывается в рамках интерпретационного направления постпроцессуальной археологии [Renfrew, Bahn, 1997]. Применительно к керамике он реализуется в изучении орнаментальных стилей [Rice, 1987]. По мнению И. Павлу, орнаментация, рисунок, стиль определяют информационный смысл керамики [Pavlu, 1996, p. 95] и отражают реалии материального, социального и ментального компонентов культуры. Основные элементы дефиниции стиля – разнообразие орнамента и его пространственно-

временное распространение. Понятие “стиль” имеет настолько широкое употребление, что словосочетания “орнаментальный стиль” и “стилистические особенности” керамики уже можно считать устоявшимися и в отечественной науке*.

В отечественной археологии формально-типологический метод, пожалуй, один из наиболее традиционных и имеет широкое практическое применение. Более того, для систематизации массового материала, к каковому принято относить каменные артефакты и древнюю глиняную посуду, он является одним из главных. Размеры, пропорции сосуда, форма шейки и венчика, состав теста, принцип обработки поверхности, орнаментация, техника нанесения узора, мотивы и композиции в той или иной мере продукт человеческой деятельности. Каждый элемент несет определенную функциональную (размер и толщина стенок сосуда), географическую (состав теста и связанных с ним способ обработки поверхности), мировоззренческую (семантика) нагрузку [Викторова, 1969].

В контексте изучения древней керамики типологический метод предусматривает анализ встречаемости узоров, их сочетания с деталями формы и построение на этой основе эволюционных рядов [Корякова, 1988, с. 90]. Он реализуется в целом ряде вариантов: от описания средствами бытового языка (яйцевидное тулово, бомбовидная форма и т.п.)

* Работа выполнена в рамках программы “Поселения и могильники раннего железного века на евразийском перекрестке” при поддержке INTAS (грант INTAS- 00-119).

* Аналитический обзор современных подходов к изучению древней керамики и методов исследования см. также: [Глушков, 1996; Шарапова, 2000]

до составления подробных программ по обработке керамики [Генинг, 1973; Корякова, 1988], основным функциональным критерием которых считается унифицированность и структурированность описательной процедуры. Впервые система описания керамики была предложена В.А. Городцовым [1901, 1922]. В ряде случаев, при отсутствии абсолютных датировок, типологический метод использовался при составлении культурно-хронологической шкалы древностей.

Важнейшие классификационные признаки типов керамики – специфические черты в технологии изготовления и форме посуды. Другим значимым материалом для ее классификации является орнамент, анализируемый по частям (техника и элементы орнамента, его расположение на сосуде) или в целом (композиция рисунка) [Стоянов, 1970]. Анализ носит формальный характер, поскольку сводится к выявлению сходства или различия элементов орнамента или композиций (преимущественно на интуитивном уровне) и совершенно не предполагает изучения их содержания и значения.

Разнообразие культурных типов керамики*

Типологический метод предполагает выявление не столько сходства, сколько различий. Это обстоятельство объясняет чрезвычайное разнообразие в научной литературе многочисленных дефиниций и культурных образований, а зачастую и типологическое несовпадение изучаемых коллекций. Попытки объединения многих типов керамики в рамках археологической культуры не сняли остроты существующих проблем [Матвеева, 1987, 1994]. Вариативность орнаментов, композиций рисунка гораздо больше, чем это можно определить типологически. Справедливости ради стоит отметить, что при всем многообразии керамических комплексов эпохи железа на интуитивном уровне многие исследователи отмечали некую их “похожесть”. А т.н. орнаментальная и морфологическая непрерывность [Корякова, 1993, с. 14] фиксируется на всех ступенях гончарного производства: в технологии изготовления, формообразовании и орнаментации. Все сосуды лепные, в большинстве случаев изготовлены способом ленточно-жгутового налепа, обжиг – костровой. Их кон-

* В данную работу не включена гамаюнская керамика [Борзунов, 1992]. На исследованных нами базовых памятниках иногда встречаются ее отдельные фрагменты, но они, как правило, не связаны ни с одним из выявленных объектов, являясь своего рода примесями к основным керамическим комплексам эпохи железа.

фигурация определяется тремя основными формами: вертикально-эллиптическое, шаровидное или горизонтально-эллиптическое тулово с округлым или слегка приостренным дном. Орнамент, представленный устойчивым набором элементов и композиций, располагается, как правило, на шейке, переходной части и на плечике. Некоторые емкости имеют орнаментированный венчик и днище, встречаются также и сосуды без орнамента.

В работе подобного рода едва ли возможно обойтись без характеристики керамических комплексов в соответствии с их изначальными дефинициями. Как известно, все многочисленные культурные образования и типы керамики были выделены в разное время на материале различных памятников, а системное освещение получили в трудах В.Д. Викторовой [1969] и В.Е. Стоянова [1970] (рис. 1).

Концом эпохи бронзы – началом раннего железного века принято датировать поселения с керамикой *носиловского типа*, ареал распространения которых охватывает среднее и нижнее течение р. Исеть, левобережье среднего Тобола. Им частично синхронны памятники *баитовского типа*, картографированные на средней и нижней Туре, правобережье Тобола, в Приишимье и датированные VII–IV вв. до н.э. [Викторова, 1969; Стоянов, 1970; Матвеева, 1987; Могильников, 1992]. Сосуды обоих типов имеют короткую прямую, иногда отогнутую, реже дуговидную шейку, как правило, с плоским срезом венчика. Ямочно-жемчужные мотивы, дополненные уголковыми вдавлениями, составляют композиции баитовской посуды (рис. 2, 1–3). Тот же самый узор в сочетании с поясками горизонтальных или вертикальных отрезков, выполненных отпечатками гребенчатого штампа, зигзагом или решеткой, маркирует носилковскую керамику (рис. 2, 4, 7–9). В тесте сосудов присутствует значительная примесь песка.

VI–IV вв. до н.э. датирована В.Е. Стояновым [1970] керамика *воробьевского типа*, которая встречается на памятниках в Среднем Притоболье и на Исети. Характерная черта, фиксируемая на всех сосудах, – прямая массивная шейка и плоский срез венчика. В тесте значительна примесь талька, но часть керамики из тобольских коллекций отличается меньшим его содержанием и запесоченностью исходного сырья. Орнаменты, покрывающие верхнюю часть сосудов, выполнены в гребенчатой орнаментальной традиции: насечки, горизонтальные елочка или поясок из наклонных отрезков, на плечике – волнообразный рисунок проташенной гребенки или “качалки” (рис. 3, 1, 5).

Время бытования *иткульской* керамики совпадает с предложенной Г.В. Бельтиковой датировкой одноименного очага металлургии горно-лесного Зауралья (VII–III вв. до н.э.) [1997]. В тесте ошугимая

примесь мелкотолченого талька. Сосуды имеют прямые наклонные шейки с плоским или округлым срезом венчика. Среди основных элементов орнамента – пояски вертикальных, горизонтальных, наклонных отрезков, нанесенных гребенчатым штампом (см. рис. 2, 5, 6, 10).

Гороховский тип дал название археологической культуре (V–II вв. до н.э.) после раскопок К.В. Сальниковым эпонимного городища [1940]. Ареал ее распространения очень обширен, и в самых общих чертах совпадает с территорией проживания населения, оставившего иткульскую и воробьевскую керамику. Самым изученным является, пожалуй, *саргатский тип*, ставший доминирующим в зауральской лесостепи в эпоху раннего железа с момента проникновения сюда саргатского населения [Корякова, 1988, 1993]. Гороховская керамика отличается от саргатской наличием обильной примеси крупнотолченого талька в тесте, меньшим разнообразием в орнаментации, некоей грубостью изготовления. Основные элементы орнамента, покрывающего верхнюю часть тулова, – горизонтальная елочка, зигзаг, пояски горизонтальных линий, иногда встречаются защипы (см. рис. 3, 2–4). Технические приемы однообразны: представлены резные и гребенчатые узоры. Типичные элементы саргатской орнаментальной традиции – фестоны, горизонтальная и вертикальная елочки, выполненные в резной технике или гладким штампом, реже – защипы (см. рис. 3, 6–8). Стоит добавить, что наличие неорнаментированной посуды характерно для керамики обоих типов. Более того, прослеживаются и общие морфологические черты: прямые слегка отогнутые шейки с плоским, заостренным или округлым венчиком.

Памятники с керамикой *кашинского типа* картографированы В.Д. Викторовой в среднем течении Туры и Исети [1969]. В относительной хронологии древностей Зауралья данный тип отнесен к концу раннего железного века*. Сосуды имеют сравнительно высокую, хорошо выраженную

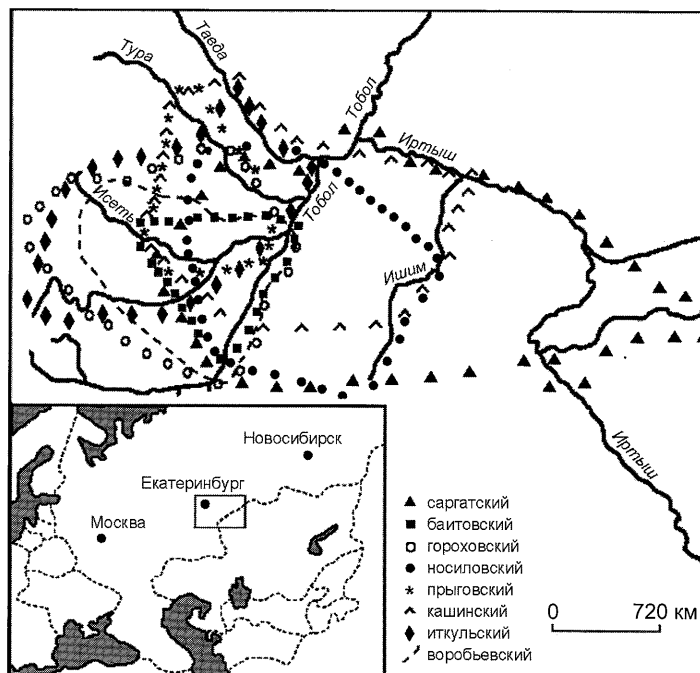

Рис. 1. Основные ареалы распространения зауральской керамики в раннем железном веке.

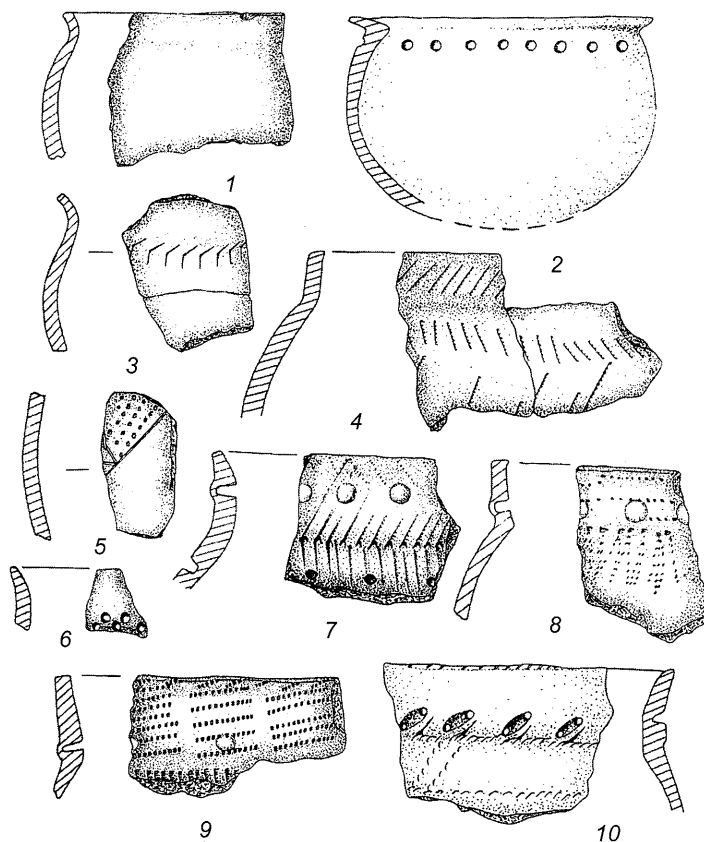

Рис. 2. Керамика баитовского (1–3), носилового (4, 7–9) и иткульского (5, 6, 10) типов.

* На Павлиновом городище (раскопки Зауральской лесостепной археологической экспедиции ИИА УрО РАН) слои, содержащие кашинскую керамику наряду с саргатской, имеют радиоуглеродные даты в интервале II–I вв. до н.э.

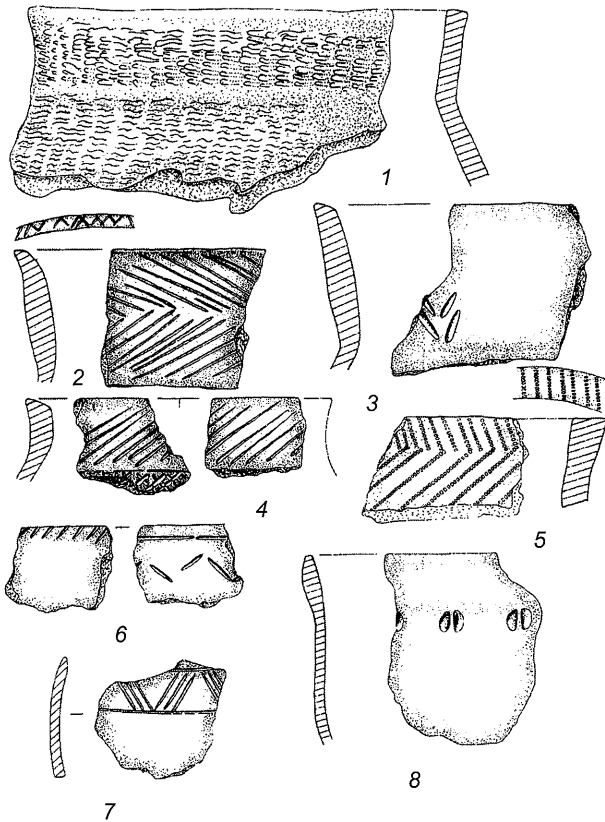

Рис. 3. Керамика воробьевского (1, 5), гороховского (2-4) и саргатского (6-8) типов.

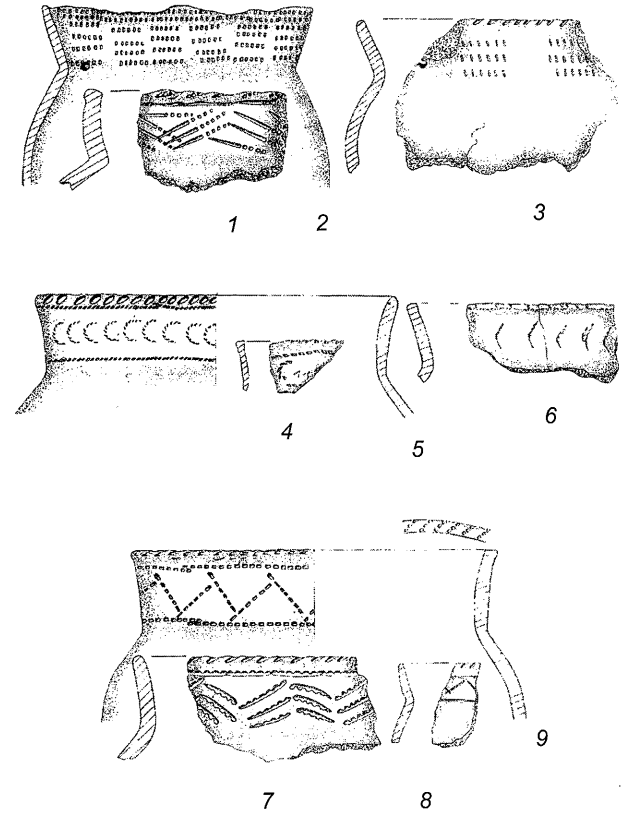

Рис. 4. Керамика прыговского (1, 4-9) и кашинского (2, 3) типов.

прямую или резко отогнутую наружу шейку, плоский срез венчика, горизонтально-эллиптическое или шаровидное тулово и круглое дно. В тесте присутствует примесь слюды, иногда песка. Украшалась верхняя треть тулова. Орнаментальные композиции выполнены оттисками крупнозубого гребенчатого штампа, реже гладкого или резными линиями: вертикальные столбики, одно- и двухрядный зигзаг, поясок наклонных отрезков, нанесенных попарно, ограниченные пояском горизонтальных линий. По основанию шейки узор иногда подчеркивался линией (рис. 4, 2, 3).

Прыговский тип тесно связан с кашинским, являясь как бы его поздней модификацией. Ареал его распространения преимущественно охватывает бассейн Исети и Туры [Генинг, Позднякова, 1964; Викторова, 1969; Викторова, Кернер, 1988; Викторова, Морозов 1993]. В большинстве случаев сосуды имеют прямую или отогнутую шейку с четким ребром на внутренней стороне и плоский венчик. Орнаментом покрыта верхняя часть. Основные его элементы – горизонтальные пояски и заключенные между ними ряды подковок, выполненных крупновитым шнуром, а также горизонтального зигзага, наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 4, 1, 4-9).

Данные статистического анализа керамики

Часто упоминаемое многообразие зауральской керамики и соответствующие ему многочисленные типы вызывают естественную потребность объяснить это явление. Различные варианты объяснения зависят от методологической базы и теоретических посылок исследования. Один из таких вариантов предлагается в настоящей работе. Он определен задачами исследования и состоянием источников, которые представлены керамическими коллекциями восьми опорных памятников раннего железного века, раскопанных Уральской археологической экспедицией УрГУ и Зауральской лесостепной археологической экспедицией ИИиА УрО РАН: Лихачевского, Гороховского (Чудаки), Воробьевского, Павлинова, Прыговского, Баитовского городищ, Носиловского селища. Для сравнительного анализа также использовались материалы могильника Гаевский-1, поскольку они содержат целые сосуды, принадлежащие к основным рассматриваемым типам, к тому же происходящие из закрытых комплексов и, соответственно, хорошо датируемые [Культура

зауральских скотоводов..., 1997, с. 64–85]. Керамические коллекции анализировались по трем блокам признаков:

1) морфологическому – рассматривались размеры, форма и профилировка посуды; поскольку на поселенческих памятниках целые сосуды либо отсутствуют, либо представлены единичными экземплярами, в большинстве случаев использовалась методика реконструкции по крупным шейкам и развалам;

2) стилистическому – там, где это возможно, исследовалась целостная система орнамента каждой из привлеченных коллекций и проводилось их сравнение;

3) технологическому – определялись и сравнивались составы исходного сырья и рецептуры формовочных масс.

Развернутая морфологическая характеристика невозможна без описания источника и основного контекста – археологического памятника. Однако таких всеобъемлющих публикаций почти нет, поскольку они требуют привлечения большого коллектива, включающего как авторов раскопок, так и специалистов смежных дисциплин. Справедливости ради стоит заметить, что данное упущение уже восполняется выходом в свет отдельных изданий [Культура зауральских скотоводов..., 1997; Daire et al., 2002]. Вкратце можно отметить, что в результате проведенного морфологического анализа изучаемых керамических комплексов совпадение параметров сосудов с предложенными ранее описаниями наблюдается по целому ряду характеристик. Небольшие расхождения, выявленные при расчетах средних значений, можно объяснить малочисленностью керамики некоторых типов (воробьевский, носилковский, отчасти кашинский) и, наоборот, представительностью других коллекций (материалы Байтовского и Прыговского городищ). Также новые данные на морфологическом уровне выделяют лишь отдельные локальные особенности, которые нивелируются при выявлении закономерностей. Так, например, в байтовской коллекции Лихачевского городища наблюдается явное преобладание слабопрофилированных сосудов почти баночных форм с дуговидной шейкой. Различная по технике нанесения орнамента прыговская гребенчатая и шнуровая керамика из слоя эпонимного памятника довольно однородна по всем формообразующим признакам [Шарапова, 2000].

Существенный недостаток традиционной методики – ограниченные возможности сравнительного анализа – может быть преодолен простейшими статистическими операциями. При этом основной посылкой является признание статистической природы закономерностей, проявляющихся в виде некоторых тенденций на определенном пространстве и опреде-

ленном отрезке времени. Другая посылка заключается в том, что, хотя керамика и привлекается практически для всех этнокультурных построений, она лишь отчасти может отражать этническую специфику. Для изучения вышеупомянутых закономерностей были использованы широко распространенные в археологии статистические методы определения различий между комплексами. Рассматриваемая выборка керамики включает 200 сосудов носилковского типа, 604 – байтовского, 74 – иткульского, 89 – воробьевского, 180 – гороховского, 164 – саргатского, 11 – кашинского, 486 – прыговского типа, выделенных по шейкам и развалам из коллекций базовых памятников.

Путем расчета коэффициента различия по методу наименьших квадратов было проведено сравнение типов керамики по технике орнаментации и элементам узора:

$$\rho(Y_k, Y_l) = \sum_{i=1}^n \frac{(Y_{ki} - Y_{li})^2}{D_i},$$

где i – номер признака; k, l – номера коллекций; Y_{ki}, Y_{li} – частота встречаемости i -го признака в коллекциях k, l ; D_i – дисперсия распределения i -го признака [Корякова, 1988, с. 109].

Расчет коэффициентов различия проводился в два этапа. Сначала сравнение осуществлялось внутри каждого типа керамики. Сопоставлялись материалы памятников, причем их должно быть не менее трех. Поэтому на данном этапе были исключены кашинская и прыговская керамика, поскольку количество памятников с хорошим статистическим распределением не соответствовало этому требованию. Затем сравнивались все типы керамики между собой.

Данные статистических расчетов, проведенных в рамках первого этапа, указывают на некую однородность исетских керамических комплексов. Выявленные расхождения объясняются фрагментарностью некоторых коллекций. Относительно высокие коэффициенты различия получены для байтовской керамики Лихачевского городища; притобольские коллекции по абсолютным значениям этого показателя тяготеют к ишимским как по технике нанесения орнамента, так и по элементам узора.

Наиболее интересны результаты сравнения всех типов керамики между собой. Минимальные коэффициенты различия получены для следующих пар: иткульская и воробьевская, иткульская и кашинская, иткульская и прыговская, байтовская и иткульская, воробьевская и кашинская; а самые большие – для носилковской и гороховской, гороховской и прыговской, гороховской и кашинской керамики, что указывает на особое положение гороховского комплекса (рис. 5, 6).

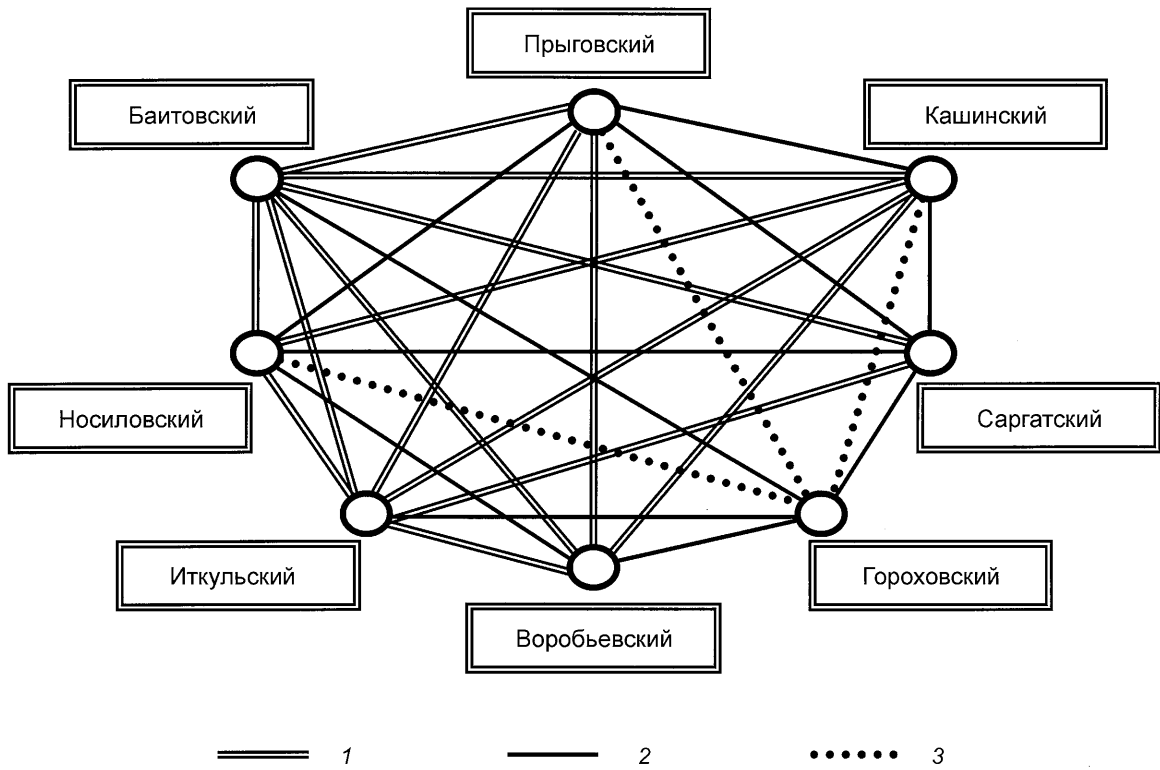

Рис. 5. Граф связей типов керамики по технике орнаментации.
 $1 - \rho = 13...57$; $2 - \rho = 58...102$; $3 - \rho > 103$.

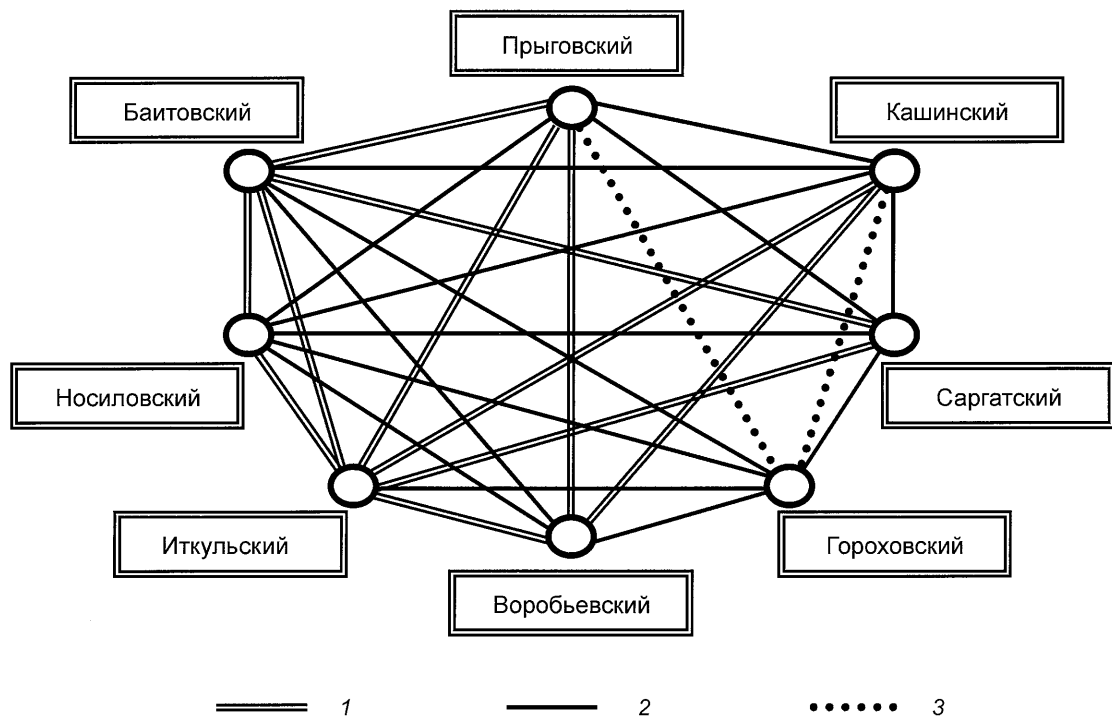

Рис. 6. Граф связей типов керамики по элементам узора.
 $1 - \rho = 28...58$; $2 - \rho = 59...97$; $3 - \rho > 98$.

В орнаментации зауральской керамики было выделено 45 основных элементов, вместе с вариантами 81 (рис. 7). Для каждого типа керамики вычислялась относительная встречаемость этих элементов и их сочетаний. Определенная близость рассматриваемых керамических комплексов наблюдается в распространении следующих элементов узора: горизонтальной елочки, наклонных отрезков или столбиков, по-разному сгруппированных ямок или жемчужин, уголкового вдавления, наколов. Многие из них составляют основу орнаментальных композиций на керамике всех типов. Неорнаментированные сосуды есть практически в каждой коллекции, хотя для некоторых (носиловская, иткульская керамика) это скорее все же исключение, чем правило. С точки зрения техники нанесения орнамента наиболее характерными для всей керамики являются резные, накольчатые, ямочные и гребенчатые элементы, часто встречаются защипы и шнуровой узор. Последний, конечно же, на прыговской керамике. Достаточно широкое распространение имело совместное использование различных технических приемов.

Результаты расчета коэффициента корреляции указывают на то, что связь между всеми типами керамики по технике нанесения орнамента выражена сильнее, чем по элементам узора (табл. 1, 2). Это может указывать на глубину и стабильность технологических традиций.

Степень зависимости между техникой орнаментации и элементами декора определялась при помощи коэффициента корреляции рангов (Спирмена) r_s :

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

где $d = x_i - y_i$ – разность между рангами сопряженных значений признаков x и y ; n – число парных наблюдений или объем выборки [Лакин, 1988, с. 173].

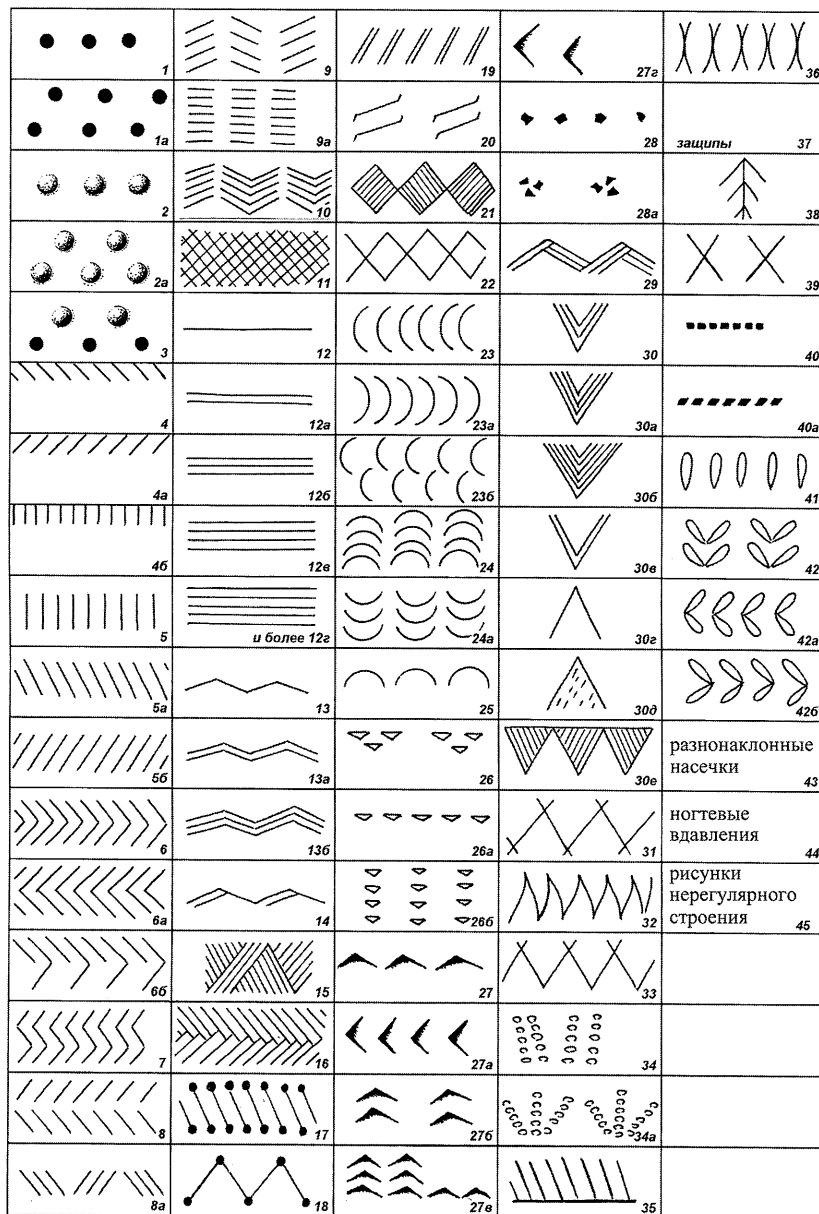

Рис. 7. Кодировка элементов орнамента.

Распределив полученные результаты по рангам, получаем, что наиболее высокий пятый ранг соответствует частоте встречаемости сопряженных признаков $> 0,86$; четвертый – от 0,56 до 0,85; третий – от 0,28 до 0,55; второй – от 0,06 до 0,27; первый – от 0,01 до 0,05; 0 – признак отсутствует.

Степень зависимости между техникой орнаментации и элементами декора достаточно высока – 0,799. Это, несомненно, свидетельствует о том, что в Зауралье существовали устойчивые представления, связывающие определенные элементы орнамента с определенными техническими приемами и орудиями.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции типов керамики по элементам узора

Номер типа керамики	1. Носиловский	2. Баитовский	3. Иткульский	4. Воробьевский	5. Гороховский	6. Саргатский	7. Кашинский	8. Прыговский
1	1,000	0,102	0,356	0,058	0,133	0,096	-0,115	-0,064
2		1,000	0,062	-0,030	0,549	0,932	-0,099	0,270
3			1,000	0,463	0,596	0,159	0,023	0,019
4				1,000	0,588	0,016	-0,091	-0,153
5					1,000	0,480	-0,120	-0,091
6						1,000	-0,062	0,367
7							1,000	0,502
8								1,000

Таблица 2. Коэффициенты корреляции типов керамики по технике орнаментации

Номер типа керамики	1. Носиловский	2. Баитовский	3. Иткульский	4. Воробьевский	5. Гороховский	6. Саргатский	7. Кашинский	8. Прыговский
1	1,000	0,164	0,771	0,715	0,185	0,017	0,842	0,611
2		1,000	-0,017	-0,059	0,299	0,592	-0,064	-0,078
3			1,000	0,932	0,239	0,041	0,940	0,865
4				1,000	0,509	0,185	0,873	0,797
5					1,000	0,806	0,173	0,162
6						1,000	0,813	0,014
7							1,000	0,798
8								1,000

Зона распространения таких представлений охватывала обширную территорию от среднего течения Исети на западе до Тоболо-Ишимья на востоке. По степени близости выделяются две группы памятников, связанных большим сходством и по элементам, и по технике нанесения орнамента. Первая включает Носиловское, Воробьевское, Гороховское (Чудаки), Павлиново, Прыговское городища и могильник Гаевский-1, во вторую вошли Лихачевское и Баитовское городища. Очевидно, что в основе такого распределения лежит фактор территориальной удаленности. Памятники, для которых получены самые большие значения коэффициента различия, территориально далеки.

Технологический метод анализа керамики и его возможности

Длительное время в зауральской археологии технологические особенности керамики изучались главным образом визуальным способом. Из всего процесса изготовления посуды исследователи обращали внимание на такие моменты, как характер глины, состав теста, способы лепки, обработка поверхности, обжиг. Появившиеся в последнее время работы, посвященные отдельным культурам и коллекциям [Васильева, 1999; Глушков, 1996; Корякова,

Федоров, 1993; Салугина, 1999], позволяют реконструировать традиции древнего гончарного производства.

Изучение технологии изготовления археологической керамики базируется на бинокулярной микроскопии. Для определения состава исходного сырья и формовочных масс использовалось 16-кратное увеличение (технично-технологический анализ выполнен Н.Р. Тихоновой). Были исследованы 25 фрагментов носиловской керамики, 21 – воробьевской, 24 – баитовской, 18 – саргатской, 19 – гороховской, 9 – прыговской и 3 – кашинской.

Определялись характер исходного сырья, его т.н. прометрические особенности (ожеженное – нежеженное) и степень запесоченности. Изучался качественный состав минеральных и органических добавок в формовочной массе. Определялась концентрация минеральных примесей и размер частиц. По возможности исследовался качественный состав шамота. Как известно, шмот – это старые дробленые сосуды, поэтому информация такого рода позволяет выявлять своеобразные временные цепочки существования различных рецептов формовочных масс и их устойчивые составы. Присутствие органических примесей определялось по наличию остатков растительного происхождения и различных пустот от жидкой составляющей органического вещества. К сожалению, в ряде случаев следы

органики на фрагментах не очень четкие, лишь по крупным отпечаткам можно предположить, что использовался навоз или его выжимка.

Изучаемая выборка распадается на три технологические (?) группы: носиловско-баитовскую, воробьевско-гороховскую и саргатско-прыговскую. В первой преобладает запесоченная глина. Соотношение черепков практически без примеси песка в исходном сырье и с высоким его содержанием приблизительно одинаковое. Тем не менее баитовским фрагментам более свойственна сильная запесоченность. Следует отметить появление искусственной примеси песка, обнаруженной в носиловских и баитовских черепках в соотношении 6 : 1. Помимо песка добавлялись шамот и дресва, которая представлена преимущественно тальковым сланцем, последняя в традиционных пропорциях – 1 : 5 или 1 : 6. Частицы шамота иногда также содержат тальковую дресву.

В тобольских коллекциях практически не выявлены искусственные примеси. В редких случаях удалось зафиксировать незначительное содержание талькового сланца пылевидной структуры. Очень невыразительны органические примеси. Не исключено, что единичные включения органики в глине имеют естественную природу.

Исходным сырьем для гороховской и воробьевской керамики служила преимущественно запесоченная глина. Содержащийся в ней прозрачный кварцевый песок, как правило, микроскопических размеров (0,5–0,9 мм). В нескольких случаях выявлены мелкие фракции обломочного бурого железняка. Обращает на себя внимание устойчивая традиция составления формовочных масс по рецепту глина + дресва + органика. В качестве дресвы использовался равномерно измельченный тальковый сланец в соотношении 1 : 3 и 1 : 4. В гороховских черепках содержится шамот с примесью талька.

Для изготовления саргатской керамики использовали практически незапесоченную глину. Состав формовочных масс устойчивый: глина + шамот + органика. Шамот некалиброванный, его частицы довольно крупных размеров (до 4 мм). Органические примеси очень низкой концентрации. Наличие фрагментов с дресвой вместо шамота в составе формовочных масс отражает затухающую традицию изготовления керамики по рецепту глина + дресва + органика.

Из-за малочисленности кашинского керамического комплекса едва ли можно уверенно говорить о каких-либо закономерностях в технологическом процессе. В качестве естественной примеси к глине выявлен прозрачный кварцевый песок микроскопических размеров (0,5–0,9 мм). В глиняное тесто добавляли тальковый сланец и шамот в пропорции соответственно 1 : 6 и 1 : 5. Мелкие частицы шамота

содержат тальк. Органика средней концентрации. В целом технологические особенности кашинской керамики близки гончарным традициям горно-лесного Зауралья.

Большинство прыговских сосудов изготовлено из глины практически без примеси песка, приблизительно треть – из сильно запесоченной. В ряде случаев в составе исходного сырья обнаружены фракции бурого железняка. Выделяется устойчивая традиция составления формовочных масс по рецепту глина + шамот + органика. Интересно, что шамот имеет аналогичный состав. В ряде случаев обнаружена примесь дресвы в пропорциях 1 : 5, 1 : 6, 1 : 7. В горно-лесном Зауралье тальковый сланец в таком соотношении встречается в природной глине как естественная примесь.

Разная степень сохранности сосудов изучаемых коллекций и отсутствие экспериментальной составляющей метода не позволили получить условно полную информацию, которую принято выделять в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Корякова, Федоров, 1993]. Можно лишь отметить, что выявленные в ходе технологического анализа физические характеристики дресвы в составе формовочных масс – тальк очень хрупкий – указывают на обжиг при температуре свыше 500 °С, т.к. с потерей влаги, что происходит при температуре 500 °С, утрачивается пластичность талька.

Модель развития орнаментальных стилей и стереотипы гончарных навыков зауральского населения

Полученная информация и результаты источниковедческого анализа позволяют проследить развитие навыков в гончарстве, преемственность в хронологическом отношении различных групп древнего населения, исследовать процессы смешения носителей разных культурных традиций. Предлагаемая ниже модель развития керамических традиций в раннем железном веке основана преимущественно на данных технологических исследований и экспериментальной археологии [Бобринский, 1978; Корякова, Федоров, 1993; Глушков, 1996; Волкова, 1996; Шарапова, 2000]. Стоит, однако, заметить, что подобное рассмотрение технологии производства, морфологических признаков и орнаментации зауральской керамики было предпринято впервые, поэтому не все выводы окончательны и исчерпывающи. Технологический анализ проводился в разное время на материале памятников, при исследовании которых ставились иные задачи. Все же, как кажется, удалось зафиксировать направление и тенденцию развития гончарных навыков в раннем железном веке.

Зауральская керамика демонстрирует специфические черты, которые проявляются в основном в приспособительных технологических традициях. Начальная стадия железного века характеризуется значительной распространенностью способа изготовления сосудов по рецепту глина + дресва + органика, позднее эта традиция затухает и устойчивым становится рецепт глина + шамот + органика. Свидетельством тому является немногочисленность керамики с примесью дресвы в составе формовочных масс и присутствие ее в шамоте.

Результаты сопоставительного анализа элементов декора и техники его исполнения указывают на существование по крайней мере трех орнаментальных традиций, которых придерживались при изготовлении зауральской лесостепной керамики, – ямочно-накольчатой, гребенчатой (гребенчато-шнуровой) и резной, охватывающих значительную территорию и широкий хронологический диапазон [Шарапова, 1999; Sharapova, 1998]. Эти традиции представляют сложную систему, включающую технологию, формообразование и орнамент [Корякова, 1988, с. 92], а их развитие было обусловлено различными факторами.

Принимая во внимание статистически полученный вывод о корреляционной связи техники орнаментации и элементов узора, устойчивость декоративных и технологических традиций, а также стратиграфическое соотношение типов керамики на опорных памятниках, можно выделить три основных орнаментальных стиля, определяющих облик зауральской керамики раннего железного века: т.н. исетский, тобольский и уральский [Sharapova, 1999]. Каждый из них охватывает разные типы керамики и линии развития, которые в территориальном и хронологическом отношении могут частично совпадать либо существенно расходиться.

Исетский орнаментальный стиль предполагает преобладание гребенчатых элементов с незначительным включением ямочных. Им объединяются иткульская, воробьевская, носилковская керамика. Развитие других компонентов материальной культуры носителей этой традиции определялось т.н. исетской ассоциацией, ведущая роль в которой принадлежала иткульскому очагу металлургии [Корякова, 1991]. Формирование исетского стиля следует связывать с процессом сложения гончарных традиций на основе местных межовско-бархатовских [Там же] или межовско-березовских [Стоянов, 1970] комплексов эпохи поздней бронзы. Еще одна линия развития представлена древностями гороховского круга, испытавшими сильное влияние кочевого мира, в орнаментальных композициях которых доминируют резные узоры [Таиров, 1991]. В сложении этих традиций Л.Н. Корякова [1991] существенную роль отводит местному населению, принадлежавшему

исетской ассоциации, но имевшему саргаринско-межовские корни. Появление гороховской культуры не только не изменило существенным образом широту связей, которые диктовались иткульским очагом металлургии, но и положило начало культурной нивелировке [Там же], с чем и связана высокая типологическая вариативность керамики.

В формировании гончарной технологии также прослеживаются две линии. С одной стороны, наблюдается устойчивая традиция использования запесоченной глины в качестве исходного сырья, с другой – наличие дресвы в рецептуре формовочных масс.

Тобольский орнаментальный стиль представлен ямочно-жемчужным декором, наиболее выразительным на баитовской посуде. Вероятно, ареал его распространения охватывает и бассейн Ишима. В основе этого стиля бархатовские традиции при участии сузгунского компонента, который и определил преобладание лесных ямочных узоров [Корякова, 1993]. Баитовские стереотипы орнаментации и технологии изготовления керамической посуды сохранялись до V–III вв. до н.э. [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 142]. Начиная с этого времени происходит смена традиций на саргатские, закрепившиеся надолго.

“Уральский” орнаментальный стиль маркируют гребенчатый и шнуровой декор. Название этого стиля в силу недостаточной изученности шнуровой керамики в Зауралье на сегодняшний день следует считать условным. Преобладает традиция изготовления керамической посуды из практически незапесоченной глины, тем не менее еще наблюдается использование исходного сырья с высоким содержанием песка. При всем разнообразии примесей в формовочной массе основной следует считать шамот, который является традиционным, в особенности для саргатской керамики. Характер приспособительных навыков (отбор исходного сырья, составление формовочной массы и т.д.) позволяет высказать предположение о смешении различных групп населения или, по крайней мере, о том, что носители саргатской культуры унаследовали гончарные навыки от предшествующих поколений гончаров, имевших местные корни. Видоизменяясь, традиции саргатского населения определяли стереотипы гончарства практически по всей территории лесостепного Зауралья.

Очевидно, ни один из орнаментальных стилей не существовал изолированно; наблюдается глубокая взаимосвязь и некое постоянство. Более того, на протяжении практически всего раннего железного века исетский стиль был доминирующим и во многом определял развитие традиций изготовления керамики. К рубежу эр сформировался новый комплекс, который маркируется шнуровым орнаментом.

Таким образом, на ранней стадии железного века в Зауралье орнаментальные традиции определялись двумя основными стилями – исетским и тобольским (носиловско-баитовская и воробьевско-гороховская технологические группы). Население, занимавшее обширные просторы лесостепной зоны, очевидно, было родственным. Оба стиля продолжали местные орнаментальные и гончарные традиции, идущие от эпохи бронзы. Смешение разнородных черт, нашедшее отражение в керамической посуде, было обусловлено общей генетической основой и развитием в условиях близкого соседства [Стоянов, 1970].

Формирование гончарных навыков носителей исетского стиля сопровождалось взаимодействием традиций исетской (иткульской) ассоциации и гороховской линии развития. Тобольский стиль, испытавший саргатское влияние, послужил основой для сложения бакальских гончарных стереотипов [Могильников, 1987, с. 187].

Продвижение саргатских племен на запад привело к окончательной нивелировке различных аспектов материальной культуры исетской (иткульской) ассоциации и гороховского населения. Процесс ассимиляции не сломал системы существовавших связей, а “орнаментальная и морфологическая непрерывность” явилась причиной появления переходных типов керамики и пестроты традиций ее изготовления [Корякова, 1991]. Ближе к рубежу эр в недрах исетского орнаментального стиля при участии саргатской линии развития сложился новый комплекс. Связи иткульского очага с носителями ананьинской культуры [Бельтикова, 1997] обусловили проникновение в местную среду некоторых ее элементов. Одним из составных компонентов следует также считать кашинский тип керамики – результат иткульско-саргатского синтеза [Викторова, 1969; Корякова, 1988, 1993].

Заключение

Впервые за последние десятилетия зауральская лесостепная керамика раннего железного века явилась предметом специального научного интереса, что позволило, с одной стороны, обратиться к “старым проблемам” на новом уровне, с другой – поставить новые вопросы, возникшие в ходе решения “старых” задач. При этом стратегия исследования предусматривала последовательность и непрерывность работы с источником с момента его получения до полной обработки.

Результаты статистического анализа керамики, проведенного различными методами, позволили определить основные стереотипы гончарных навыков населения Зауралья. Предложенная концепция стиля,

не отрицая права на существование типов керамики, которые необходимы в типологических построениях (при условии строгого соответствия начальным определениям), дала возможность свести их к трем совокупностям, что более удобно для ареальных и культурологических исследований.

Выявленные технологические особенности изготовления керамики дают основание предположить смешение населения, которое, помимо прочего, имело сходные орнаментальные традиции. Использование одного и того же сырья на протяжении длительного времени, вероятнее всего, обусловило устойчивость связанных с этим гончарных навыков и сходство их у носителей разных традиций. Малочисленность выборки не позволяет однозначно ответить на вопрос: влияет ли изменение орнаментации на смену производственных стереотипов. Однако уже сейчас можно говорить о их взаимосвязанности.

Благодарности

Считаю своим долгом выразить благодарность всем участникам полевых и камеральных работ, чья бескорыстная помощь обеспечила археологическое сообщество многочисленными керамическими коллекциями, Л.Н. Коряковой и А.А. Ковригину за ценные рекомендации в ходе исследования, а также рецензентам за их позитивную критику и комментарии, несомненно улучшившие рукопись.

Список литературы

- Бельтикова Г.В.** Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 23 с.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Борзунов В.А.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.
- Васильева И.Н.** Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. – 1999. – Вып. 3. – С. 191–216.
- Викторова В.Д.** Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: Опыт систематизации и периодизации археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1969. – 20 с.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.** Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 129–141.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.** Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. – С. 173–192.
- Волкова Е.В.** Гончарство фатьяновских племен. – М.: Наука, 1996. – 117 с.

- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических коллекций. // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.
- Генинг В.Ф., Позднякова М.К.** Прыговское городище на реке Исети // Вопр. археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1964. – С. 34–71.
- Глушков И.Г.** Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Наука, 1996. – 327 с.
- Городцов В.А.** Русская доисторическая керамика // Тр. I археологического съезда в Киеве. – М., 1901. – Т. 1. – С. 576–672.
- Городцов В.А.** К выявлению древнейших технических приемов гончарного дела // Казанский музейный вестник. – 1922. – № 2. – С. 178–187.
- Корякова Л.Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.
- Корякова Л.Н.** Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). – Препр. – Екатеринбург, 1991. – 52 с.
- Корякова Л.Н.** Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 72 с.
- Корякова Л.Н., Федоров Р.О.** Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. – С. 76–96.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр:** (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И. Ражев, Ж.-П. Потро, С.В. Шарапова. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.
- Лакин Г.Ф.** Биометрия. – М.: Высш. шк., 1988. – 293 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Среднего Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1987. – 21 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.
- Могильников В.А.** Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–311.
- Салугина Н.П.** Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – 1999. – Вып. 3. – С. 20–39.
- Сальников К.В.** Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. – 1940. – Вып. 5. – С. 69–71.
- Стоянов В.Е.** Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 238–253.
- Таиров А.Д.** Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.
- Шарапова С.В.** Керамика и основные орнаментальные стили раннего железного века зауральской лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Челябинск, 1999. – С. 146–148.
- Шарапова С.В.** Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2000. – 27 с.
- Cunliffe B.** Iron Age communities in Britain. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1974. – 439 p.
- Daire M.-Y., Courtaud P., Gonzalez E., Koryakova L., Kovrigin A., Languet L., Marguerie D., Razhev D., Sharapova S.** Habitats et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie. – P.: Bocard, 2002. – 280 p.
- Gibson A.M., Woods A.** Prehistoric pottery for Archaeologists. – L.; Washington: Leicester University Press, 1997. – 302 p.
- Pavlu I.** Pottery origins. – Praha: Karolinum, 1996. – 181 p.
- Renfrew C., Bahn P.** Archaeology: theories, methods and practice. – L.: Thames and Hudson, 1997. – 608 p.
- Rice P.M.** Pottery analysis: A sourcebook. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 421 p.
- Sharapova S.V.** The Iron Age pottery decorative styles in the Transurals // 4th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts. – Göteborg: Göteborg Länstryckeri AB, 1998. – P. 146–147.
- Sharapova S.V.** Ceramics of the Transurals: typological variability and stylistic variations // 5th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts. – Bournemouth: Bournemouth University, 1999. – P. 185.
- Trigger B.G.** A history of archaeological thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 270 p.

Материал поступил в редколлегию 25.03.04 г.